

© 1990 г.

А. А. Сусоколов, В. В. Степанов

МАЛОЧИСЛЕННЫЙ ЭТНОС: ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (на примере вепсов)

Отношение общества к решению проблем так называемых «малочисленных» народов отражает уровень его демократизации и социально-политической зрелости. В настоящее время начата разработка программ социально-экономического и этнокультурного развития малочисленных народов. Опыт разработки таких программ пока незначителен. Поэтому остро необходимо обсуждение возникающих в связи с этим вопросов широким кругом ученых различных специальностей. Это тем более необходимо, что в публикациях о малочисленных народах сейчас явно преобладают политические сюжеты. Справедливо отмечая сложную экономическую и экологическую ситуацию, сложившуюся в районах расселения таких народов, угасание их культуры, обострение в последние годы межнациональных отношений, многие авторы видят два основных пути решения проблемы: создание (или восстановление) национальной автономии в той или иной форме и финансирование экономических, политических и культурных программ за счет государственного бюджета. При этом, как правило, не анализируется вопрос о том, приведут ли такие меры к реальному повышению уровня жизни населения, не обострят ли они межнациональные отношения, целесообразно ли создавать новую систему «национальных» льгот, приведет ли «автономизация» к действительному расцвету культуры или главным ее результатом станет создание дополнительного административного ярма для местного населения.

Торопливость и необдуманность при выдвижении национальных лозунгов и программных требований наводят на мысль, что экономические и культурные концепции служат лишь «подпоркой» требованиям политическим, способом привлечь на свою сторону возможно большее число людей.

Такой подход обуславливает не всегда корректные формы обращения к мнению общественности. Для обоснования политических лозунгов, как правило, используются различные петиции, принимаемые на сходах и митингах, письма, посылаемые в различные инстанции, и при этом упорно игнорируются данные массовых опросов того самого населения, от имени которого выдвигаются требования.

Имеется и другая проблема. Широкая общественность страны, а также центральное и местное руководство воспринимают ситуацию, сложившуюся на территориях расселения малочисленных народов, через призму журнальных и газетных публикаций, зачастую пронизанных стремлением любой ценой провести идею о необходимости «помочь», «спасти» народ, как правило, за счет увеличения государственных дотаций или благотворительных фондов. При этом упускается из виду главный источник возрождения народа — его экономическая, культурная инициатива и самостоятельность.

Одной из характерных черт большинства публикаций является весьма однобокое использование научных данных. Последние либо игнорируются вовсе, либо изо всего научного багажа вырываются отдельные фрагменты, призванные

подтвердить положения, выгодные с точки зрения политической конъюнктуры.

Данная статья ставит задачей, во-первых, показать, что национальные проблемы, как и другие крупные социальные вопросы, не могут успешно решаться вне рамок комплексного научного анализа ситуации. Во-вторых, представить на суд специалистов опыт конкретных исследований этнополитической ситуации. Конкретным примером могут служить исследования в районе расселения такого малочисленного этноса, как вепсы, и различные подходы к перспективам его развития.

О предыстории вепсской проблемы. Одним из поводов к широкому обсуждению путей национального самоопределения малочисленных народов в СССР, не имеющих национально-государственных автономий, стал как раз «вепсский вопрос». Группа ученых, представителей творческой интеллигенции и общественности, привлекла внимание широких слоев населения к проблеме сохранения исчезающего вепсского народа и его культуры. В июне 1987 г. в Подпорожском районе Ленинградской области была проведена встреча, посвященная этой теме, а в октябре 1988 г. в Петрозаводске прошло региональное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». Его рекомендации, изданные отдельной брошюрой¹, имеют научно-практический характер и фактически представляют собой попытку разработать основу широкой социальной программы возрождения вепсского народа. Совещание имело значительный общественный резонанс, в результате был принят ряд постановлений исполкомов областных Советов по усилению внимания к нуждам вепсского народа, а также решение Совета Министров РСФСР о разработке Программы социально-экономического и культурного развития вепсов. Для подготовки этой программы летом 1989 г. было проведено комплексное изучение вепсской проблемы, в ходе которого собиралась экономическая, демографическая и социологическая информация². Значительная часть этого исследования была выполнена этносоциологической лабораторией МГУ, сотрудниками которой являются авторы данной статьи. В качестве основных задач мы поставили социологическое изучение общественного мнения жителей вепсского региона по широкому кругу социальных и национальных вопросов; изучение исторических и современных популяционных структур; оценка хозяйственно-экономической и экологической ситуации в регионе.

В сельской местности было обследовано 10 сельсоветов, наиболее крупных по числу живущих там вепсов. В них сосредоточено около 75 процентов всего населения вепсского региона (см. схему). Социологическим опросом были охвачены около 700 человек — вепсов и русских, что составляет 5% всех жителей обследованных сельсоветов, или около 3% населения всего региона; кроме того, были опрошены более 200 человек в г. Подпорожье — центре одного из районов, наиболее плотно заселенного вепсами.

Что же представляет собой этот малочисленный вепсский этнос в настоящее время?

Вепсы — один из древнейших финно-угорских европейских народов, ведущий свое происхождение, по мнению большинства специалистов, от летописной веси, племени которой издавна обитают на территории между Онежским, Ладожским и Белым озерами.

Ареал их расселения постоянно сужался на протяжении столетий³. В настоящее время вепсы проживают в основном в сельской местности на стыке Ленинградской, Вологодской областей и Карельской АССР (см. схему *a*); а также в близлежащих районных центрах и в Ленинграде.

Общая численность вепсов в СССР по Всесоюзной переписи 1989 г. — 12,2 тыс. чел. Реально происходящие процессы смешения с окружающим русским населением привели к абсолютному снижению численности вепсов. По данным переписей, убыль их за период 1926—1989 гг. составила 50%. В пределах собственно этнической территории в семи районах⁴ (16 сельских советах) ныне проживает 8—10 тыс. вепсов⁵, что составляет менее 40% населения всего вепс-

ского региона. Понятие «вепсский регион» (в историко-этнографической литературе используют также термин «Межозерье») условно и не подкреплялось ни раньше, ни теперь какими-либо административными границами. Это та часть исторической территории вепсов, на которой они проживают до сих пор. Здесь же расположены старинные «невепские» населенные пункты, в том числе и крупные, такие как пос. Вознесенье, Борисово-Судское. По нашему мнению, их нельзя выводить за рамки анализа вепсской проблемы, как это сделано в большинстве рекомендаций Петрозаводского совещания. Во-первых, в них также проживают вепсы, а во-вторых, эти населенные пункты исторически и культурно неразрывно связаны с регионом, и было бы неверно исключать их из государственной программы.

На указанной территории в конце 1920-х годов были созданы национально-административные единицы: Шелтозерский национальный район (часть нынешнего Прионежского района КАССР), а также национальные сельсоветы в Винницком (часть нынешнего Подпорожского района Ленинградской области) и в соседних районах Ленинградской и Вологодской областей. Эти национальные территориальные образования просуществовали до 1937 г. (в Карелии — до 1956 г.)⁶.

В настоящий момент имеется один национальный (вепсский) сельсовет (Куйский) в Бабаевском районе Вологодской области, образованный решением исполкома областного Совета в октябре 1989 г. по итогам голосования жителей этого сельсовета.

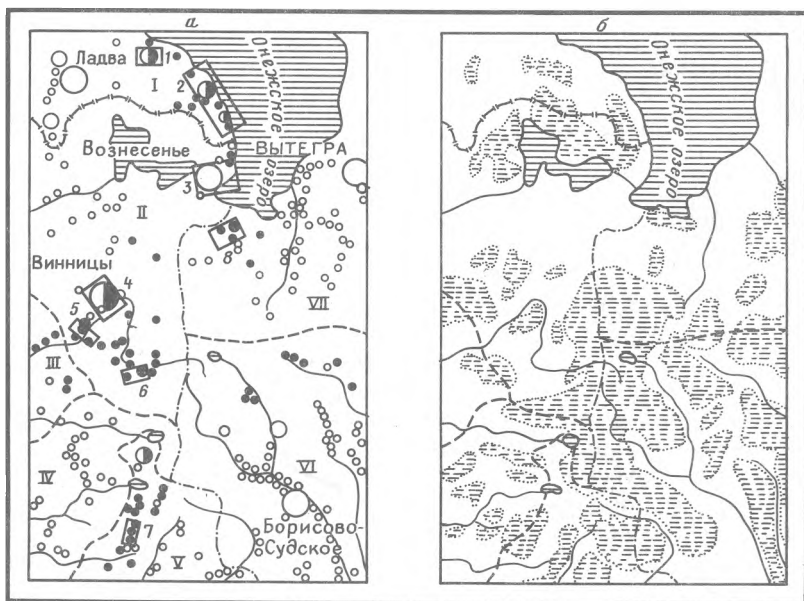
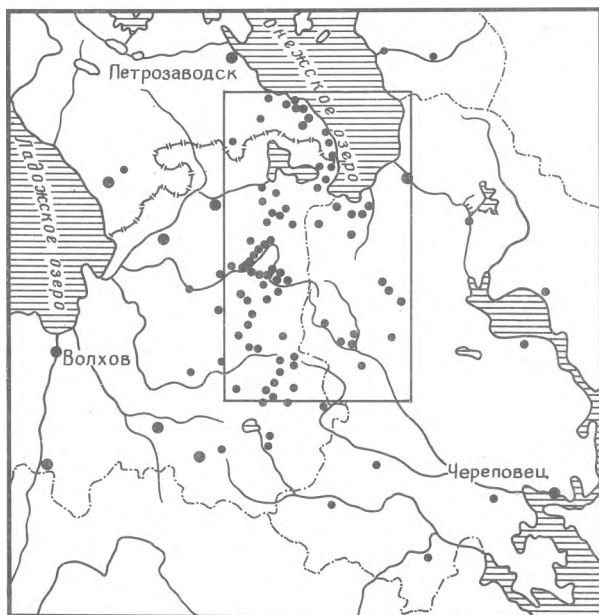
Вепсский регион — площадью примерно 23 тыс. км — ареал не сплошного заселения. Плотность населенных пунктов (всего их около 230) крайне низкая — 0,8 селения на 100 км². Поселения расположены неравномерно — небольшими скоплениями или дробными цепочками — как следствие пестроты природных условий⁷ и как результат политики укрупнения населенных пунктов, которая проводилась начиная с 1950-х годов. Вепсы подразделяются на три этнографические группы: северных, средних и южных, которые традиционно слабо между собой контактируют. Это исторически обусловленный факт, возникший не вдруг и не в результате одного лишь административного разделения вепсского региона хотя оно, безусловно, сыграло свою роль.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что административная разобщенность вепсов оказывает отрицательное влияние на их культуру и самосознание. Однако и теперь, и в прошлом существовали серьезные естественные преграды для передвижения между различными группами вепсов — болота, леса, чередование удобных и малопригодных мест для жизни и ведения хозяйства. Редкие группы небольших деревень расположились по долинам речек, вблизи озер с наименее заболоченными берегами. Характерно, что нынешние административные, в первую очередь областные, границы пролегают именно через малодоступные водораздельные болотистые территории (см. схему б).

Большинство селений региона, в первую очередь вепсских, находятся на периферии транспортных коммуникаций и зачастую труднодоступны. Кроме того, места расселения вепсов разных административных районов практически не связаны общей транспортной сетью, что, как указывалось выше, обусловлено не только административными рамками, но также естественно-природными и историческими факторами.

Результатом разобщенности отдельных групп вепсов являются диалектные особенности их языка, культуры, неодинаковые темпы ассимиляции. Именно о разобщенности свидетельствует выявленная в ходе нашего исследования территориальная структура брачных связей за последние 100 лет между отдельными группами вепсов.

На большей части региона русско-вепсское соседство складывалось в течение многих веков⁸. Исключение составляют вепские территории Карелии, где подселение русских происходило в 1920-е и особенно в 1950—1970-е годы⁹. Ныне национально-смешанный состав населения характерен для всех без исключения

Районы расселения вепсов

1 — Наиболее крупные заболоченные территории на схеме б; 2 — Населенные пункты с долей вепского населения не менее 10% на схеме а; 3 — В рамку на схеме а заключены территории, где проводились исследования этносоциологической лабораторией МГУ. На схеме а римскими цифрами обозначены политико-административные территории: I — Карельская АССР, Прионежский район, II—V — Ленинградская область, районы Подпорожский, Лодейнополюский, Тихвинский, Бокситогорский, VI, VII — Вологодская область, районы Бабаевский, Вытегорский; арабскими цифрами обозначены территории, на которых проводились исследования этносоциологической лабораторией МГУ (июль 1989 г.): 1 — с. Шокша, 2 — Шелтозерский и Рыборецкий сельсоветы, 3 — п. Вознесенье и Гиморецкий сельсовет, 4 — с. Винницы, 5 — Ярославичский сельсовет, 6 — Курбинский сельсовет, 7 — Радогосненский сельсовет, 8 — Оштинский сельсовет

Примерная половозрастная структура жителей населенных пунктов вепского региона, %

Категория населенного пункта	Дети и подростки 0—17 лет	Мужчины		Женщины		
		18—59 лет	60 лет и более	18—54 лет	в том числе 20—29 лет	55 лет и более
Крупный (1 тыс. чел. и более)	29	27	6	26	7	12
Средний (200—300 чел.)	20	30	9	21	6	20
Мелкий (менее 200 чел.)	2	21	11	15	1	51

вепских сельсоветов, а в них и для всех крупных и многих средних (более 200 чел.) населенных пунктов региона. В многонаселенных вепских сельсоветах доля вепсов ниже средней (т. е. менее 50% населения), чем по всем вепским сельсоветам.

В вепском регионе традиционно преобладают мелкие населенные пункты — деревни. Их доля составляет более 80% от всего количества поселений. Число жителей в каждом из них, как правило, не превышает 60—100 человек, 14% составляют средние по величине селения (200—300 чел.). Остальные 6% — крупные села (около 1000 чел. и более).

В крупных сельских населенных пунктах сосредоточено более половины всего населения региона, т. е. более 10 тыс.; около трети — в средних и лишь пятая часть — в мелких деревнях. Численность жителей деревень и многих средних по величине селений непрерывно уменьшается. В деревнях это происходит в настоящее время в основном из-за высокой смертности (основная масса населения в них — люди пожилого возраста). Соответственно исчезают и деревни.

Если исходить из сложившейся тенденции, то вывод приходится делать однозначный: деревни, в том числе «чисто» вепские, по сути обречены. 50—90% их жителей — люди старше 50 лет, причем подавляющее большинство — женщины (см. таблицу). Абсолютное количество и половозрастной состав более молодых жителей не обеспечивает дальнейшего демографического воспроизводства. Здесь действует общая для всего Нечерноземья закономерность: меньший населенный пункт обычно характеризуется значительными «перекосями» половозрастного состава. Лишь демографическая структура крупных и средних селений (напомним, что в местах проживания вепсов эти населенные пункты имеют национально-смешанный состав жителей и характеризуются заметным количеством русско-вепских браков) может обеспечить простое или даже расширенное воспроизводство численности населения. Люди в возрасте 18—59 лет в таких населенных пунктах, как правило, составляют около половины жителей. Среди них доля 18—39-летних — 60% и более; женщины в возрасте условно максимальной плодовитости (20—29 лет) составляют не менее трети всех женщин фертильного возраста.

Как и для всякой сельской территории Нечерноземья, для вепского региона характерно непрерывное переселение людей из небольших селений в более крупные, общий отток населения из региона в близлежащие города, постоянное изменение состава занятых в сельском хозяйстве и в лесной промышленности.

Экономика в вепском регионе не является целостной и не может ею быть, поскольку отсутствуют объективные естественно-исторические предпосылки территориального разделения труда. Нет и не было в прошлом существенных внутрорегиональных устойчивых рыночных отношений. Современные отрасли хозяйства — лесная промышленность, сельское хозяйство (картофельводство и молочно-мясная отрасли) — в той или иной степени характерны для всех территорий. Большинство хозяйств, и в первую очередь совхозы, являются в течение десятилетий убыточными.

В регионе довольно сложная экологическая ситуация. Несмотря на то что здесь отсутствуют экологически вредные предприятия, природе наносится серьезный ущерб лесозаготовками, прокладкой лесовозных трактов, бесконтрольной разработкой песчаных карьеров, мелиоративными мероприятиями. Последние привели к иссушению ряда сельскохозяйственных территорий. Значителен срыв почвы, происходит вторичная заболоченность местных водоемов.

Естественно, что при любой модели хозрасчета средства, которые могут поступать от хозяйств региона на развитие его социальной инфраструктуры в обозримой перспективе, будут крайне незначительны. Районные и областные бюджеты, в настоящее время дотируемые государством, также не в состоянии обеспечить строительство необходимых на селе объектов соцкультбыта. По сведениям работников местных советских органов, в регионе, впрочем, как и на соседних с ним территориях, более чем в 80% селений полностью отсутствуют культурно-просветительные учреждения¹⁰.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что проблемы социально-культурного развития региона касаются не только вепсов, но и русских, большинство из которых являются также коренными жителями. В какой степени может решить все эти проблемы программа, основанная на рекомендациях Петрозаводского совещания — основного на сегодняшний день руководства по вопросам социальной и культурной политики в отношении вепсов?

Рекомендации регионального межведомственного совещания имеют своей целью улучшение системы хозяйствования и повышения уровня материального благосостояния вепсского населения европейской части страны. Многие предлагаемые меры, безусловно, целесообразны и необходимы. Однако, как уже отмечалось, документ отражает лишь первые шаги на пути разработки программы комплексного развития этноконтактных территорий. Поэтому он требует глубокого критического анализа.

Одним из главных вопросов на совещании был вопрос о создании единой вепсской автономии. Это отразилось в материалах совещания, где в пункте 1 рекомендуется «рассмотреть предложение о создании в районах проживания вепсской народности национальных вепсских районов... как подготовку для образования на их основе Вепсского автономного округа» (см. также п. 22). Идея автономии волнует практически всех — одних воодушевляет, других пугает. Как выглядит эта идея с точки зрения задачи комплексного развития экономики и культуры региона?

Прежде всего, как уже отмечалось, создание единой автономии затрудняется тем, что вепсы, вопреки утверждениям ряда специалистов (см. прим. 1), разделены на относительно изолированные группы не столько административными, сколько естественными границами. Однако это, конечно, не достаточный аргумент против предлагаемого административного объединения вепсских территорий. Каково мнение по этому вопросу у самих жителей региона?

Жители всех трех зон расселения вепсов достаточно хорошо информированы об основных дискутируемых проблемах создания вепсской автономии (90% из числа давших ответы). Но около половины считает, что создавать какую-то форму национального самоуправления нет необходимости. В том числе эту точку зрения разделяет около 40% вепсов, а однозначно за автономию высказалась только четверть вепсского населения.

Приведенные данные свидетельствуют о сложности процессов, происходящих в общественном сознании жителей региона. Основная часть населения не связывает свои надежды на социальный подъем с организацией здесь национальной автономии. В первую очередь это русское, национально-смешанное и ассимилированное (в той или иной степени) вепсское население. Однако, по всей видимости, существуют и другие серьезные причины. Действует, видимо, нынешний пример острых межнациональных конфликтов в стране, отсутствует

уверенность в перспективах социального и экономического развития на национальной основе.

Опрос населения показал, что при возможности выбора из всех форм автономии наименее популярна идея создания национального округа, т. е. целостного и самостоятельного образования. Даже среди вепсов ее поддержали в среднем 1—2% (в отдельных населенных пунктах — до 10%). Это и неудивительно: предполагаемый вепский национальный округ стал бы чисто механическим административным соединением территорий. Его создание в лучшем случае не приведет к ожидаемым переменам в социальной и культурной сфере. Появится еще одна бюрократическая иерархия, которая помимо дополнительных затрат на свое существование будет пытаться руководить экономикой и общественной жизнью региона, объективно не имеющего целостности. Наши исследования показывают, что в регионе уже лет 20, как достигнут предел централизации хозяйства, и что уровень такого обобществления оказался абсолютно неэффективным. При попытке дальнейшего укрупнения местных и без того нежизнеспособных хозяйств экономическая основа возрождения вепской культуры будет подорвана окончательно¹¹. Поэтому, даже если бы сторонники концепции национального округа были правы, утверждая, что единство (или же потенциальная возможность единства) вепского этноса оказалось нарушенным исключительно административным размежеванием региона и что в настоящее время уже идет интенсивный процесс консолидации вепсов, то и в этом случае объединение всех вепских территорий не лучшим образом отразилось бы на самих вепсах.

Что же явилось бы здесь более адекватным политическим шагом? На наш взгляд, создание нескольких национальных образований, отражающих действительную этнотерриториальную структуру. За идею создания нескольких автономий высказываются около 30% опрошенных нами респондентов¹². При этом среди вепсов и русских отношение к этим формам самоуправления в принципе сходное.

Крупные вепские массивы вполне логично объединить, как это было и раньше, в самостоятельные районы, а далеко отстоящие от крупных центров мелкие — в национальные сельсоветы. Создание национальных сельсоветов, по нашему мнению, является скорее актом формально-политическим, нежели средством решения социальных и культурных проблем. Фактический статус национального сельсовета, как бы ни выглядели соответствующие юридические нормы, в принципе не должен существенно отличаться от статуса обычного сельсовета.

Налицо противоречие: участники Петрозаводского совещания, судя по документу, считают этнополитические меры основным фактором возрождения вепсов; в то же время само население региона, в том числе вепсы, относится к этим мерам более чем сдержанно; особенно это касается идеи создания вепского автономного округа. Значит ли это, что любая административная форма национальной вепской территории вообще не имеет смысла? На наш взгляд, создание новой национально-территориальной единицы обоснованно лишь в том случае, если позволит создать условия для развития там наиболее прогрессивных форм хозяйствования как базы дальнейшего культурного и экономического развития, не дожидаясь коренного изменения в экономической структуре всей России. Несомненно, однако, что сам по себе вопрос о целесообразности создания этнополитических образований не является центральным для решения задач развития региона. Автономия — это форма, которая может принести пользу или вред в зависимости от того, каким реальным содержанием она будет наполнена.

Однако среди рекомендаций совещания есть пункты, которые принесут безусловный вред, если будут реализованы. Среди них — требование о предоставлении различных льгот как всему населению вепского региона, так и самим вепсам.

Так пункт 4 рекомендаций предполагает разработку «перечня льгот для вепсов... или распространения на вепсов, являющихся в этом регионе коренным населением, льгот и преимуществ, предусмотренных для народностей Севера... В целях ускорения индивидуального строительства... а также стимулирования возвращения вепсов в свои прежние поселения предусмотреть бесплатный отпуск строевого леса и предоставление долгосрочных ссуд». В пункте 6 различным государственным научным и плановым организациям рекомендуется: «При разработке планов... особое внимание уделить повышению уровня жизни вепсов и ускоренному развитию социальной инфраструктуры в местах их проживания». В п. 10 содержится пожелание отнести «Карельскую АССР (видимо, всю, а не только „вепскую“ ее часть), а также районы проживания вепсов Ленинградской и Вологодской областей к территории, приравненной к Крайнему Северу с выплатой районного коэффициента 1,4 и 60% северных надбавок». Таким образом, речь идет о двух системах льгот: для всего населения и отдельно для вепсов. Отметим, что конкретный перечень «северных» льгот остается для населения пока «тайной», однако в основном он известен как дополнительное повышение зарплаты и возможность свободного использования природных ресурсов. К каким же последствиям может привести принятие этих мер? Прежде всего возникнет стихийный приток в вепсский регион мигрантов, составляющих слой социального «перекати-поля» и уже создавших значительные трудности во многих районах нашей страны. Заверения представителей местных органов власти о возможности административного сдерживания притока переселенцев нельзя расценивать как некую гарантию. Опыт других территорий, в первую очередь крупных городов, показывает как раз несостоятельность и недостаточность таких мер. Кроме того, в большинстве хозяйств вепсского региона ощущается недостаток рабочих рук, имеются половозрастные диспропорции, а это объективные предпосылки переселения людей. При этом естественно, что темпы ассимиляции вепсов увеличатся.

Еще большее сомнение вызывает расчет на предоставление на данной территории льгот и преимуществ, предусмотренных для народов Севера (дополнительных к «региональным» льготам) только вепсам. Прежде всего, эта дискриминационная мера даст импульс к обострению межнациональных отношений. Данные нашего опроса показывают, что «северные льготы» в случае их введения, по всей вероятности, станут яблоком раздора между русскими и вепсами: на разных территориях 30—50% вепсов высказались за эти льготы, а 50—60% русских — резко против.

В мировой практике система экономических льгот предусматривается обычно для народов, сохранивших племенную структуру, т. е. в случаях, когда имеется коллективный субъект права, в том числе права на определенную территорию. В данном же случае мы этого не наблюдаем.

Необходимо также сказать, что благое пожелание повысить уровень благосостояния вепсов путем введения особых льгот отгородит этнос от окружающей социальной и экономической реальности только на первых порах. А затем возникнет проблема, с которой уже столкнулись многие народы Севера: либо сохранять образ жизни, сочетающий в себе черты паразитизма и нищеты, либо по возможности быстрее ассимилироваться.

К этому остается добавить, что нет должной ясности ни среди населения, ни тем более среди администрации, кого именно считать вепсом. По мнению авторов рекомендаций, не только во всесоюзных переписях, но и при получении паспорта многие вепсы при разных обстоятельствах оказались записаны русскими. В дальнейшем это распространялось и на их детей.

Так, по данным нашего исследования, во многих вепсских населенных пунктах Ленинградской области в книгах похозяйственного учета вепсами числятся 5—10% всего населения, по паспорту — 20—25%, а сами себя считают вепсами около 60%. Однако и в последнем случае национальная идентификация не может быть точной. Нужно иметь в виду, что количество людей,

указавших себя вепсами, безусловно, возрастет, если льготы будут введены. Во-первых, многие русские имеют прямых родственников среди вепсов (20—40% на разных территориях), а во-вторых, значительное количество вепсов в переписи 1989 г. записалось русскими¹³. Легко представить себе, насколько драматична будет борьба этих людей со всякого рода инстанциями за право на льготы. Все это вепсы, отрицательно относящиеся к данному мероприятию (20—40%), прекрасно сознают.

Аналогичная ситуация в случае введения льгот возникнет и при прохождении конкурса в специальные учебные заведения. Рекомендации Петрозаводского совещания предполагают принимать одаренных детей вепской национальности без конкурса в музыкальные, хореографические и художественные училища (пункт 13) и льготные условия приема в ряд вузов (ЛСХИ, Вологодский молочный институт, Ленинградская лесотехническая академия и др.). Но что значит «систематически выявлять и направлять наиболее одаренных детей вепсов в музыкальные и другие художественные училища»? Если в том же селе, в том же классе окажется одинаково или даже более одаренный ребенок другой национальности, значит все равно отдавать предпочтение вепсу? С подобной практикой еще как-то можно было бы согласиться в случае подготовки национальных кадров по языку и культуре. Но очевидно, речь идет не только об этом, когда предлагается образовательная льгота вепсам при поступлении в сельскохозяйственный или молочный институт. Против таких мер резко выступило около 30% вепсов. Напомним также общеизвестный факт, что «внеконкурсное» формирование интеллигенции приводит лишь к возрастанию численности людей с дипломами. Их профессиональные качества, как правило, низки, а социальные ожидания, наоборот, неоправданно высоки.

Не вызывает принципиальных возражений, хотя и требует более глубокого обоснования, целесообразность возрождения письменного вепского языка и возобновление его преподавания в школе, которое было прекращено в конце 1930-х годов. Из рекомендаций совещания неясно, преподавать вепский язык всем в обязательном порядке или по желанию. По результатам нашего опроса 20—50% вепсов высказались за обязательное всеобщее обучение и 20—40% — резко против. Среди русских против обязательного обучения всех детей вепскому языку высказались 30—50% опрошенных¹⁴.

В данном случае необходимо также учитывать и то, что в ряде школ из-за нехватки учителей вообще некоторые общеобразовательные предметы не преподаются. Нередко ученики разных классов из-за малочисленности состава занимаются вместе. В некоторых школах в течение нескольких лет вообще нет новых учеников.

Таким образом, если сформулировать основополагающие принципы программы, разработанной на Петрозаводском совещании, то ими окажутся: 1) приоритет этнополитических целей над экономическими и этнокультурными, 2) дотационная экономика, 3) система национальных и региональных льгот. Естественно, что эти три принципа не могут стать надежной опорой социальной национальной политики в регионе. Требуется принципиально иной подход. Нужна нормальная сбалансированная экономика, которая обеспечит повышение уровня жизни в регионе и в то же время не приведет к межнациональной розни и бесповоротному нарушению локального экологического баланса. Некоторые необходимые для этого меры предусмотрены в рекомендациях. В частности, упорядочение промышленных рубок и рациональное использование лесных ресурсов. Эти меры необходимо конкретизировать, продумать механизм воплощения их в жизнь. Например, предусмотреть развитие мелких деревообрабатывающих производств, которые позволили бы сократить объем заготовки и вывоза необработанной древесины.

Научный подход к разработке программы развития малочисленных народов, несомненно, должен основываться на подчинении политических мер решению экономических проблем и вопросов культурного развития.

Необходимо реорганизовать экономику в регионе так, чтобы она базировалась не на бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов, а на комплексе взаимодополняющих отраслей: деревообрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, туризме, переработке так называемых «даров леса» (ягод, грибов и т. д.). Определенную роль в местной экономике может играть и вывоз минеральных ресурсов.

Вне сомнения, все мероприятия по развитию языка и культуры вепсов могут быть эффективны лишь в том случае, если вепсский этнос обретет экономическую, экологическую и социальную устойчивость. Достижение такой устойчивости, на наш взгляд, и является главной целью государственной политики в отношении малочисленных этносов.

Активным субъектом долговременной экономической и социокультурной программы должна стать не статистическая совокупность лиц вепсской национальности, а реальная этнокультурная общность русского и вепсского населения.

Возрождение вепсского народа возможно лишь при условии успешного социального развития всего региона, решения вопроса о собственности на землю и природные ресурсы. Не имея возможности детально обсуждать здесь эту проблему, рассмотрим ее на примере сельского хозяйства.

Возрастание централизации хозяйственной деятельности, в силу экологической специфики региона в последние десятилетия быстро разрушает традиционную культуру жизнеобеспечения. Уже с конца 1920-х годов принудительный труд на лесоповалах и коллективизация существенно изменили систему хозяйствования. Природные условия в регионе (неоднородность рельефа, разнообразие увлажнения и качества почв) таковы, что для сельскохозяйственных целей выгоднее использовать небольшие, менее 10 га, несмежные участки земли. Но такая форма ведения хозяйства приемлема для единоличника. Коллективное хозяйство, напротив, требует крупных целостных земельных угодий, и централизация хозяйственной деятельности неминуемо повлекла за собой ее концентрацию.

Первоначально, в 30-е годы, было организовано много небольших колхозов (по 2—3 деревни, 20—30 дворов). Но уже в тот период из сельхозоборота исчезают временно используемые земельные массивы — расчищенные из-под леса и удобренные подсечно-огневым способом «палы» — из-за небольших площадей, подчас отдаленного их положения и разбросанности. Вместе с тем расширялась запашка в непосредственной близости от деревень, захватывались сенокосы и неудобья.

Дальнейшая судьба мелких колхозов общеизвестна. Они исчезали, последовательно объединяясь во все более крупные хозяйства. Ничего общего с естественным экономическим развитием подобная реорганизация не имела. Характерно при этом, что одновременно приходили в упадок и забрасывались пахотные земли периферийных деревень. В 1950—1960-е годы укрупнение хозяйств достигло максимума — ситуация, когда следующий шаг к обобществлению вынудил бы открыто изъять из сельскохозяйственного оборота практически все земли одного из объединяемых хозяйств (более мелкого).

Параллельно с этим происходило постоянное перемещение на центральные усадьбы хозяйств людей из окружающих мелких деревень, где жизнь замирала. В 1950—1960-е годы в них последовательно от периферии к центрам закрывались начальные и средние школы, магазины, клубы. В то же время в относительно крупных населенных пунктах появились электричество, водопровод, медицинские учреждения и проч.

Между тем результатом централизации хозяйственной деятельности и концентрации населения явились хроническая убыточность большинства хозяйств и перенаселенность в сельских административно-хозяйственных центрах.

Земли для приусадебных участков здесь стало не хватать уже в 1960-х годах. На сегодняшний день на каждого человека в регионе приходится в среднем

0,03—0,06 га приусадебных участков, а на семью — в среднем 0,1—0,24 га. Из-за земельного дефицита (что парадоксально при наличии земель в брошенных деревнях) широкое распространение имеет почти исключительно картофель, как наиболее урожайная культура вместо десятка сельскохозяйственных культур, которые можно было бы с успехом, как и раньше, выращивать для собственного потребления.

Если год урожайный (200—280 ц/га), то на каждого человека в среднем собирают 5—16 ц картофеля. Из них, за вычетом семенного фонда, порчи при хранении, употребления для собственных нужд, только 1—8 ц в год могут быть проданы. Это без учета транспортных затрат может принести в среднем за месяц 30, максимум 80 руб. на человека. В неурожайные годы (100—120 ц/га), которые здесь отнюдь не редкость, картофеля хватает только для собственного потребления.

Скот и птица из-за недостатка кормов содержатся в небольшом количестве — в среднем по одной корове на три хозяйства.

Даже беглый обзор условий индивидуального землепользования показывает, что для полноценного самообеспечения сельского населения региона продуктами питания земли не хватает, не говоря уже о том, что приусадебные участки слишком малы для создания стабильного минимума товарной продукции.

Спрашивается, что лучше: увеличить зарплату сельским труженикам посредством северных коэффициентов (т. е. увеличить массу бестоварных денег) или дать людям возможность в полную меру использовать земельные массивы? На наш взгляд, целесообразно идти по пути превращения личных приусадебных хозяйств из подсобных в основное средство жизнеобеспечения сельских жителей. В данной статье нет возможности детально обсуждать эту проблему. Однако отметим, что ее решение имеет кардинальное значение для снятия многих форм социального и возможного национального напряжения. Достаточно сказать, что основная масса людей, высказавшихся в ходе нашего опроса за необходимость предоставления льгот, — это рабочие совхоза, домохозяева и пенсионеры, из которых более 60% являются мигрантами (вспомним переселения людей из деревень в сельские административные центры). Приезжие — наименее обеспеченная часть населения. Приусадебные участки у них либо отсутствуют, либо в 3—4 раза меньше, чем у коренных жителей. Своего жилья, как правило, нет. Многие размещаются на квартирах или в типовых многоквартирных неблагоустроенных домах.

Мы глубоко уверены, что постепенный отказ от «дотационной» экономики должен стать общим принципом взаимоотношений государства с малочисленными народами. Взамен государство должно предоставить возможность хозяйствам предпринять шаги, соответствующие их экологическим и экономическим возможностям. Регламентирующая функция государства необходима лишь для целей охраны природы в регионе.

Восстановление сельского хозяйства в качестве основы жизнедеятельности населения вепского региона не потребует привлечения людей извне, как это предполагают дотационные программы. Нецелесообразны также и специальные меры для сдерживания миграционного оттока населения из региона. Оставаться будут наиболее предприимчивые и трудоспособные работники.

Если подобный региональный эксперимент по реорганизации хозяйства и землепользования окажется удачным, то, безусловно, появится контингент людей, в том числе из среды вепсов, экономически заинтересованных и, главное, способных занять брошенные некогда земли и деревни и образовать хутора. Тогда и только тогда появятся реальные предпосылки для восстановления деревень, как русских, так и вепских, и станет целесообразным строительство дорог к заброшенным угольям.

Однако фундаментальное преобразование экономических и социальных основ культурного возрождения региона потребует времени. Параллельно

с этим необходимы усилия по поддержанию традиционной культуры, и в данном случае действительно требуется государственная помощь региону, по крайней мере на тот период, пока локальные общности не обретут социально-экономическую устойчивость.

Основная цель государственной помощи вепсскому региону в развитии культуры должна заключаться в создании того минимально необходимого уровня социокультурной инфраструктуры, который бы способствовал сохранению локальных общностей. Имеется в виду система стабильных межличностных отношений внутри групп людей, ограниченных территорией совместного проживания, хозяйствования и быта.

Почему в поддержании вепсской культуры государство должно принимать непосредственное участие? Знания самого населения о культуре и истории региона во многом утрачены. Угасают самосознание, язык, традиционные навыки в быту и хозяйстве. Это, собственно, и послужило поводом к постановке «проблемы вепсов». Одним из результатов ассимиляции является непрестижность самого признания принадлежности к вепсской национальности и зачастую нежелание вепсов возрождать собственную культуру. Насколько эти явления естественны и необратимы, покажут время и специальные исследования. А в настоящий момент, пока имеются социальные и политические силы, поддерживающие идею культурного возрождения вепсов, пока благоприятна этнодемографическая обстановка, нужно предпринять необходимые шаги для сохранения вепсской культуры.

Участие государства необходимо прежде всего в создании благоприятных материальных, организационных и правовых условий существования и пропаганды вепсской культуры. Однако это не означает, что необходимо сохранять и развивать ее во что бы то ни стало силами различных государственных учреждений. Вепсы и лица других национальностей, проживающие в регионе, должны иметь возможность выбирать самостоятельно, какие из традиционных культурных ценностей изжили себя, а какие стоит принять и развивать дальше. Главной целью государственной помощи в области культуры малочисленному народу должно быть создание специальной информационной системы — полноценного источника сведений об истории и культуре региона, источника, доступного по основным своим формам для большинства населения региона. При таком подходе не ущемляются социальные права и возможности этнокультурного развития людей других национальностей (в первую очередь русских), проживающих на этих же территориях. Во-первых, потому, что вепсская и русская культуры в этом регионе тесно связаны между собой, имеют общую историческую судьбу и в отрыве одна от другой практически не существовали. Во-вторых, соседство вепсов и русских и отсутствие каких-либо форм взаимной изоляции по национальному признаку делают возможной государственную поддержку в сфере культуры для всего населения вепсского региона.

Основными же звеньями специальной информационной системы по традиционной вепсской культуре могли бы стать центральные научно-исследовательские учреждения, музеи, научно-методические центры при местных управлениях культуры, местные средства массовой информации и отделения Общества вепсской культуры (существует с 1989 г.). Нижние элементы этой системы — деревенские музеи, клубы, библиотеки, школы — уже существуют в ряде мест, но без материальной базы, широких контактов и методической помощи малоэффективны или же практически бездействуют.

Таким образом, национальная политика в отношении малочисленного народа, каким является вепсский этнос, должна быть строго продуманной системой взаимосвязанных мер в сфере экономики и культуры. При этом не следует отдавать предпочтение дотационной политике (особенно в экономической области), и вместе с тем нет нужды бороться за полный «национальный» хозрасчет (особенно в сфере развития культуры).

Проблема вепсов, как и большинство других национальных проблем в нашей стране, вызвана преимущественно экстенсивным развитием экономики. И конечно, кардинально ее решить возможно лишь в русле новой, интенсивной экономики, посредством организации действительно самостоятельных хозяйственных единиц на основе возможностей, предлагаемых новым законом о земле. Однако часть существенных преобразований в регионе можно произвести уже сейчас, не дожидаясь всесторонней разработки общесоюзной концепции экономического развития. Надо заметить, что без подобных «опытных лабораторий», какой мог бы стать вепсский регион, практически трудно, не впадая в противоречие с реальностью, разработать общую экономическую стратегию. Как бы ни была хороша и на первый взгляд, совершенна система социально-экономических реформ, требуется постоянная обратная связь — четкое представление о последствиях тех или иных экономических и культурных мер, коррекция государственной программы. В частности, необходимо, чтобы развитие этноконтактной ситуации у вепсов стало объектом постоянного научного исследования, а не предметом разового обсуждения и окончательных рекомендаций. Вообще требуется независимое научное подразделение для изучения подобных проблем. Оно должно состоять из специалистов разного профиля, заинтересованных в выявлении объективных тенденций, а не в «проталкивании» того или иного заранее заданного решения.

Примечания

¹ Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки. Петрозаводск, 1988.

² Разработка программы проведения исследования и анализ собранных материалов осуществлены лабораторией этносоциологии исторического факультета МГУ под руководством А. А. Сусоколова.

³ Пименов В. В. Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 6, 52, 54, 178, 189, 258; Йоланд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.

⁴ Подфорожский, Лодейнопольский, Тихвинский, Бокситогорский районы Ленинградской области, Прионежский — Карельской АССР, Вытегорский, Бабаевский районы Вологодской области.

⁵ Для определения численности вепсов в регионе мы пользовались данными З. И. Строгальщиковой (Строгальщикова З. И. Об этнодемографическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории...) и собственными полевыми материалами.

⁶ Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории... С. 19.

⁷ Анализ топографических карт крупного масштаба показывает, что отдельные группы населенных пунктов с окружающими их сельскохозяйственными угодьями разведены болотистыми территориями площадью по 400 км² и более.

⁸ Пименов В. В. Указ. раб. С. 192 и др.

⁹ Государственный архив КАССР. Ф. 659. Оп. I. № 41/750; Ф. 2955. Оп. I. № 91—143; Ф. 3170. Оп. I. № 5—44; Ф. 2788. Оп. 2. № 1—26.

¹⁰ В рамках статьи нет возможности сосредоточиться на доказательстве приведенных положений о невозможности целостного экономического развития региона, об убыточности большинства имеющихся здесь хозяйств, о слабом развитии социальной инфраструктуры.

¹¹ Можно убедительно показать, что вслед за развалом хозяйства региона отток населения неминуемо захватил бы и значительное число вепсов. Из-за недостатка места в статье мы опускаем обсуждение другой важной проблемы — о статусе национального округа (в составе КАССР или даже полностью суверенное образование). Любое из решений вызовет обострение межнациональных противоречий в регионе.

¹² Более 60% населения воздержались от ответа. Результат вполне объясним, если учесть, что значительная часть населения вообще против какой бы то ни было национальной автономии. Очевидно, стоит задуматься о необходимости придания автономным районам статуса национальных.

¹³ Например, по данным, полученным нами от переписчицы, жительницы Куйского сельсовета Бабаевского р-на, жители которого проголосовали за присвоение сельсовету статуса национального, во время Всесоюзной переписи 1989 г. русскими записались около 15% вепсов.

¹⁴ Следует учесть, что приводимые здесь и выше «вилки» цифр отражают территориальное разнообразие мнений населения. Данные по всему массиву опрошенных более контрастны: вепсы — за обучение вепскому — 30%, «против» — 33%; русские — «за» — 13%, «против» — 55%.

© 1990 г.

С. А. Козлов

ПОПОЛНЕНИЕ ВОЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ СООБЩЕСТВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVI—XVII вв.

Процесс активного формирования терско-гребенского казачества на Северном Кавказе прослеживается по письменным источникам со второй половины XVI в. С этого времени начинается и непрерывный рост вольных общин казаков, пополнение их многочисленными потоками беглых людей из разных уголков России. В ряды казачьей вольницы на Северном Кавказе вливаются участники крестьянских войн и выступлений, все недовольные крепостническими порядками. В казачьих городках находили убежище и северокавказские горцы, которые вынуждены были по различным причинам покинуть свои общества. Пополнение казачьих групп в регионе за счет постоянного притока новых поселенцев происходило прежде всего потому, что независимость вольных казаков от государства, их демократизм гарантировали каждому искавшему спасения от самодержавно-крепостнической власти право на свободу и возможность стать полноправным членом казачьей общины.

История формирования терско-гребенского казачества получила отражение в исторической литературе¹. Особый раздел посвятила этому вопросу Л. Б. Заседателева в работе «Терские казаки». Убедительный вывод автора о том, что первые казачьи сообщества на Тереке состояли из выходцев с Дона, с южных и юго-восточных окраин Русского государства, в какой-то мере разрешил продолжительные дебаты о рязанской или донской доминанте вольного казачества на Северном Кавказе². Но в недавней вышедшей монографии А. А. Шенникова «Червлёный Яр» рязанская версия получила дальнейшее развитие³. Все это свидетельствует о необходимости новых интенсивных исследований начальных этапов истории вольного казачества на Северном Кавказе и значительного расширения источниковедческой базы.

В данной статье предпринята попытка на основе изучения как уже опубликованных материалов, так и многочисленных новых документов, выявленных в Центральном государственном архиве древних актов (далее — ЦГАДА), рассмотреть основные источники пополнения вольного терско-гребенского казачества и динамику его роста в XVI—XVII вв.

Первые упоминания о вольных казаках на Северном Кавказе встречаются в документе 1563 г. Это жалоба ногайских мурз на вольных казаков с Волги, разграбивших их улусы. В ответе ногаям посол Ивана Грозного отмечал: «И государь наш тех казаков многих казнил, а иные от государя нашего опалы збежали в Азов и в Крым и в Черкасы»⁴. Е. Н. Кушева, опубликовавшая этот документ, сопоставляя его с другими, пришла к выводу, что речь в нем идет о «черкасах» (т. е. горских народах) Северного Кавказа, а не о жителях Поднепровья. Но считать терских или гребенских казаков выходцами с Волги, ветвью волжских казаков, переселившихся на Терек в XVI в., было бы неверно.